

Ключевые сюжеты правового мышления.

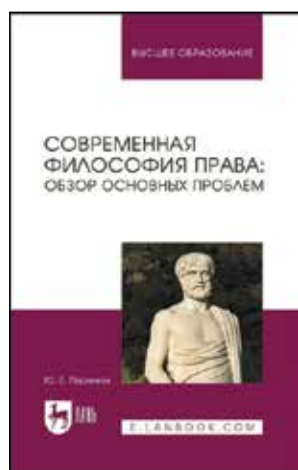
Рецензия на книгу:

Пермяков Ю. Е. Современная философия права: обзор основных проблем

Баженова Е. А.

Независимый исследователь, кандидат юридических наук

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com



Пермяков Ю. Е.
Современная философия
права: обзор основных
проблем: учебное
пособие для вузов.
СПб.: Лань, 2023. 513 с.

Аннотация

В рецензии дается развернутая характеристика учебного пособия Юрия Евгеньевича Пермякова «Современная философия права: обзор основных проблем» (СПб.: Лань, 2023). Подчеркивается вклад автора в прояснение предмета и структуры дисциплины, ее роли в формировании правового мышления. Отмечается оригинальность предлагаемого в книге прочтения с точки зрения метафизики права таких категорий, как субъект, должное, инстанция, субъективное право, обязанность. Автор привносит важные акценты в обсуждение дискуссионных вопросов о границах юридического, научном статусе и задачах юриспруденции. Главной задачей юриспруденции в целом и юридической науки в частности Ю. Е. Пермяков считает проведение границы между правом и неправом. В свете этой задачи он рассматривает вопросы о юридической силе нормативных и правоприменительных актов, о споре как имманентном состоянии правовой жизни. Своевременным видится предложение автора заменить принятую в теории права перспективу, при которой действующим субъектом права считается правовая норма, «обратной перспективой», связанной с понятием юридической конструкции. Усматривая онтологическое основание правовых институтов и исходный пункт анализа права в притязаниях личности, а важнейшую задачу права — в сохранении человеческого космоса в состоянии единства, современный кризис права Ю. Е. Пермяков ассоциирует с неспособностью субъекта обрести форму, заявив о своих притязаниях на статус, и кризисом социальности, при котором общество утрачивает себя

как целое. Автор анализирует феномены провинциального правопонимания и политических манипуляций правовым сознанием в качестве факторов, непосредственно связанных с кризисом, размышляет о том, как последний проявляется в практической деятельности юристов, юридической науке и образовании.

Ключевые слова: Ю. Е. Пермяков, философия права, субъектность в праве, юриспруденция, юридическая наука, различие между правом и неправом, кризис права.

Для цитирования: Баженова Е. А. Ключевые сюжеты правового мышления. Рецензия на книгу: Пермяков Ю. Е. Современная философия права: обзор основных проблем // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 2 (24). С. 148–158. EDN: CMLATM

Key Plots of Legal Thinking. Book Review: Permyakov Yu. E. Contemporary Philosophy of Law: An Overview of the Main Problems

Bazhenova E. A.

Independent Scholar, PhD in Jurisprudence

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

Abstract

The review provides a detailed account of the textbook by Yuri Evgenievich Permyakov “Contemporary Philosophy of Law: An Overview of the Main Problems” (St. Petersburg: Lan’, 2023). The author’s contribution to clarifying the province and structure of the discipline, its role in the formation of legal thinking is emphasized. The originality of the proposed reading from the point of view of the metaphysics of law of such categories as agent, ought, judicial authority, subjective right, obligation is noted. The author brings important emphases to the discussion of controversial issues of the boundaries of the law as well as of scientific status and tasks of jurisprudence. Yu. E. Permyakov considers the main task of jurisprudence in general and legal science in particular to be the drawing a line between law and non-law. In view of this task, he examines issues of the legal force of normative and law enforcement acts and of a dispute as an immanent condition of legal life. The author’s proposal to replace the perspective accepted in legal theory, in which the agent of law is considered to be a legal norm, with a “reverse perspective” associated with the concept of a legal construction seems pertinent. Seeing the ontological basis of legal institutions and the starting point of the analysis of law in the claims of the individual, and the most important task of law — in preserving the human cosmos in a state of unity, Yu. E. Permyakov associates the current crisis of law with the inability of the agent to acquire shape, declaring his claims to status, and with the crisis of sociality, in which society loses itself as a whole. The author analyzes the phenomena of provincial comprehension of law and political manipulation of legal consciousness as factors that are directly related to the crisis, reflects on how the latter manifests itself in legal practice, legal science and education.

Keywords: Yu. E. Permyakov, philosophy of law, legal agency, jurisprudence, legal science, distinguishing law from non-law, crisis of law.

For citation: Bazhenova, E. A. Key Plots of Legal Thinking. Book Review: Permyakov Yu. E. Contemporary Philosophy of Law: An Overview of the Main Problems. *Theoretical and Applied Law*. No. 2 (24). Pp. 148–158. (In Russ.)

Введение

Книга Ю. Е. Пермякова «Современная философия права: обзор основных проблем» вышла в свет в такое время, когда философия права в России не востребована ни государством, ни негосударственными акторами, ни практикующими юристами, ни студентами права, — не случайно курс философии права всё чаще «выпадает» из числа дисциплин учебного плана юридических специальностей. Эта невостребованность свидетельствует о глубоком кризисе права в целом — вряд ли такое сложное явление, как право, способно существовать без осмысления его со стороны тех, кто к нему обращается в своей повседневной деятельности. Тем более значимым событием видится издание книги, в которой роль философии права в формировании правового мышления представлена как ключевая.

На приобретение студентами навыков правового мышления и рассчитан материал пособия. При этом, в отличие от учебников, рассматривающих большей частью классическую философию права, разработанную трудами Гоббса, Канта, Гегеля, Кельзена, книга Ю. Е. Пермякова уделяет основное внимание современным концепциям. Благодаря социокультурным исследованиям постструктуралистов (Фердинанд де Соссюр, Роман Якобсон, Клод Леви-Стросс, Ролан Барт, Жак Лакан, Мишель Фуко) при-

шлось согласиться с тем, отмечает автор, что миром правят структуры, а не воля субъекта. И хотя государству нередко приписывают способность выступать в роли демиурга, учреждающего социальный мир, постклассические интерпретации права (в отечественном правоведении представленные работами И. Л. Честнова, А. В. Полякова, И. Д. Невважая и др.) в последние годы несколько поколебали этатизм, ставший традиционным для отечественного правоведения. В науке о государстве забрезжила обратная перспектива: правовые нормы и институты предстали через призму индивидуальных правовых притязаний, а философия права стала уделять внимание непосредственным участникам правового общения, которые в выборе поступка и правового решения самостоятельно руководствуются понятиями ими смыслами, следуют императивам языка и добиваются логического обоснования юридически значимых целей. Рецензируемое пособие рассчитано на разговор о человеческом измерении права и духовном смысле правопорядка, в котором его участники могли бы определить и в ходе практических занятий укрепить навык выяснения и артикуляции собственных убеждений, социального опыта и научных знаний.

Философия права как осмысление собственной причастности к обществу

Автор неоднократно подчеркивает, что материал пособия рассчитан не на запоминание, а на последующее обсуждение с опорой на практические ситуации. Ю. Е. Пермяков стремится избегать отвлеченных рассуждений, к предмету которых рассуждающий непричастен. И философия, и право в своей глубинной сущности предназначены, согласно его мысли, для одного: идентификации собственного бытия в агональном, то есть состязательном и подчиненном определенным правилам диалоге. Цивилизация невозможна без самоопределения, без рефлексии, без суда над всем тем, что составляет собственное содержание личности, поэтому свою задачу Юрий Евгеньевич видит в том, чтобы вовлечь студентов в осмысленный разговор о праве. Это сопряжено с определенными трудностями, так как боязнь узнать правду о себе исключает размышление. Тем не менее сохранение связи со своими основаниями, открывающимися лишь честной мысли о себе, необходимо как человеку, так и праву, — ведь то, что не желает утратить эту связь и тем самым превратиться в иное, не может отказаться от осмысления собственного бытия.

За последние три десятилетия было издано немало учебников по философии права, однако предмет этой дисциплины, отмечает автор, всё еще остается неопределенным. Книга Ю. Е. Пермякова многое делает для прояснения предмета философии права, предлагая простую, но вместе с тем логичную и обоснованную структуру. Пособие состоит из четырех больших разделов: «Введение в проблематику и методологию современной философии права», «Метафизика права», «Философские основания юриспруденции» и «Правовая культура и политика». Раздел, посвященный метафизике права, неслучайно занимает важное место в структуре пособия, поскольку любая наука, констатирует автор, начинается с предположений метафизического характера. Изучение права было бы невозможно без убеждения в том, что оно есть. В свою очередь, описать такие категории, как «должное» или «субъект», сохраняя при этом человеческий смысл права, возможно лишь метафизически.

Понимание невозможности вывести должное из сущего долгое время исключало право, равно как и этику, из сферы философской онтологии. Ситуация, по мысли Ю. Е. Пермякова, изменилась, когда философы перестали рассматривать субъекта как наблюдателя действительности. Теперь «настоящее» стало означать не просто то, что есть «на самом деле», а тот объем действий, который надлежит совершить в настоящем времени, чтобы сущее продолжило свое существование. Сущее при таком взгляде определяется должным, в отношении к которому форма сущего приобретает для индивида значение и ценность, становится способом его существования. Право, в свою очередь, предстает в условиях такого понимания не данностью, а результатом непрерывных усилий. Отмечу сходство этого взгляда с представлениями сторонника теории естественного права второй половины XX в. Лона Фуллера¹. Сам Юрий

¹ См. Фуллер Л. Л. Мораль права. Перев. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 174–181.

Евгеньевич, впрочем, упоминает в связи с отмеченными соображениями о новом звучании теории естественного права, обратившейся к поиску критериев «настоящего» права, без возвращения к которому настоящее грозит оказаться упущенной возможностью стать будущим.

Онтологическая проблематика права, с точки зрения автора, сконцентрирована не на его институтах и свойствах, а на самом субъекте, заботу которого составляет правовая форма его бытия. Соответственно, не нормы, а притязания личности выступают, по его мнению, онтологическим основанием правовых институтов и исходным пунктом анализа права. Заявляя притязания, человек реализует свои представления о должном, о собственной форме. При этом автора не пугают заявления М. Фуко и Р. Барта о смерти субъекта: в них, по его мнению, нет эпатажа. Речь идет о том, что в современной культуре человек подчинен контексту, жанру, и его творчество состоит не столько в открытии новых художественных форм, сколько в составлении наборов уже всем знакомых сюжетов и цитат. Применительно к философии права тезис о смерти субъекта влечет за собой в том числе отказ философа от привилегированной точки зрения в отношении интерпретации юридических смыслов. Сегодня философы несут ответственность за собственную полезность в побуждении человека к его собственной свободе.

Первое условие бытия субъекта, пишет автор, составляет смысл, то есть метафизическое по своей природе осознание сопричастности к событиям мира и покоящаяся в его основании определенность. Благодаря справедливости, возведенной в принцип социальной жизни, каждый находится на своем месте, и мир удостоверяется таким, каков он есть, что равносильно обретению доверия к самому себе и другим. В несправедливом мире никому не воздаются ни дела его, ни его помыслы. В таком мире утрачиваются мотивы поведения, поскольку вопрос «чего хотеть» бессмыслен, ибо каждый заранее знает, что получит совсем не то. Поэтому бескомпромиссная борьба за справедливое мироустройство неотделима от сохранения смысла и, стало быть, императивов долженствования как имманентного свойства и основы человеческого бытия. Вопрос, который требует обстоятельного теоретического разрешения, с точки зрения автора, заключается в осознании необходимости и ценности юридической формы, в которую облекается справедливость.

Оформление воли как онтологический акт есть самоопределение субъекта, и задача философии, по мысли Ю. Е. Пермякова, заключается в прояснении вопроса о том, в кругу каких сущностей субъект права способен заявить о своих притязаниях и реализовать собственные нравственные и моральные представления о должном. Субъект, Другой и Инстанция, полагает он, оказываются первичными элементами права, взаимоотношения которых интегрированы в акте завершающего, итогового официального, то есть исходящего от имени их персонифицированного единства, правового суждения. При этом область юридического автор предлагает обозначить как пространство борьбы за признаваемую всеми возможность выступать от имени инстанции либо рассчитывать на ее общепризнанную способность покровительствовать в защите разнообразных интересов.

Узнать что-то о субъекте мы можем лишь при помощи анализа нарратива. К тому же из работ Дж. Остина нам известно, что слова могут быть поступками («перформативные действия»), которые определяют характер коммуникации и навязывают ее сторонам модели поведения. Соответственно, субъект права, по мнению Ю. Е. Пермякова, может быть определен как тот, кто способен формулировать правовые суждения и с учетом обстоятельств дела располагает возможностью выбирать способ повествования о себе самом.

Субъект, рассчитывающий на признание, должен впустить в свое сознание чужой взгляд на самого себя. Правовое признание дисциплинирует субъекта и служит шагом на пути к подлинному существованию, в котором «Я» узнаваемо как для него самого, так и для его контрагентов. Те философские концепции, которые обосновывают субъективное право исключительно на идее личной свободы и эгоистического интереса, легко уязвимы для критики, поскольку в рассуждении о ценности личной свободы остается незатронутым вопрос ее общественного признания. Субъективность другого не доказывается и не выводится из чувственного опыта. Признание в другом человеке его «Я» есть парадигма собственного существования, обнаружение в самом себе способности «предоставлять кредит», доверяться другому с заранее оговоренными правовыми гарантиями или без таковых. Посредством личности дру-

гого каждый находит себя в бытии иным, и это иное для бытия, исчезающего в самотождественности наличного («Я» и «моего»), имеет безусловную онтологическую ценность. Субъективное право, таким образом, будучи принадлежностью одного участника правоотношения, постулирует ценность и субъективность «Ты» (другого) из предположения и признания некоторой общности. Соответственно, нарушение субъективного права, что в онтологическом смысле представляет собой утрату контрагента, может быть восстановлено лишь воссозданием единства с «Ты», поэтому индивидуальная защита права, как и обособленное от других приближение к нравственному идеалу, оказываются невозможными.

Не выдерживает критики, с точки зрения автора, и та формула обязанности, которой десятилетиями пользуются юристы, поскольку ни «действия в интересах другого лица», ни «следование чужой воле» были бы невозможны без того, чтобы обязанное лицо, когда идет навстречу чужим желаниям и исполняет чужие притязания, сохраняло бы собственную субъектность. Исполнение обязанности следует рассматривать как акт, ориентированный на общественное признание индивидуального общезначимой ценностью. Статус правопослушного гражданина позволяет рассчитывать на общественную поддержку в собственных начинаниях. Таким образом, онтологические основания обязанности заключаются в той же среде, в которой нравственное и моральное долженствование обретает форму правового притязания. Как любое действие, исполнение обязанности предполагает участие воли, наличие духовных и материальных условий и известную степень свободы. Обязанность не предполагает подавления чужой воли, исполнитель следует собственному решению о подчинении. Неправильно определять обязанность как меру вынужденного поведения. Необходимость считаться с внешними обстоятельствами свидетельствует не об отсутствии свободы, а о том, что человек — существо не самодостаточное. Неисполнение обязанности влечет разрыв отношений и прощание со своим статусом.

В свою очередь, процесс превращения суда из властного государственного учреждения, наделенного полномочиями и собственной компетенцией, в *Инстанцию*, решение которой принуждает деятеля испытать в полной мере последствия отождествления его с собственным деянием, может быть осмыслен лишь метафизически: судья в судебном процессе преодолевает собственную природу государственного чиновника и оказывается медиумом, оглашающим (здесь автор ссылается на Гегеля) с позиций всеобщего судьбу единичного. Правосудие, пишет Ю. Е. Пермяков, трудно поместить в рамки научной картины мира: оно не имеет свойств объективной реальности, его трудно признать фактом. Еще одна проблема, без понимания которой тема правосудия вряд ли может быть понята глубоко, заключается в обосновании ответственности как собственного права на претерпевание последствий от собственного правонарушения (здесь автор вновь обращается к Гегелю). Идея, содержащаяся в этой позиции, состоит в том, чтобы сохранить субъектность правонарушителя в праве, без которой нет самого права. Способность к вменению и ответственности, определяемая в пособии как отличительное свойство правовой личности, предполагает особый способ человеческого бытия, когда субъекту противостоит не внешний мир, не другая индивидуальность, а он сам в виде последствий собственного выбора и поступка. Эту способность к встрече с самим собой автор обозначает с помощью категории судьбы — участи человека, производной от него самого.

В разделе, посвященном философским основаниям юриспруденции, Ю. Е. Пермяков обращается к герменевтико-феноменологической перспективе, в которой недостаточно мыслить право эссенциалистски, как свойство факта, суждения или нормы, следуя за простой констатацией их принадлежности к сфере правового регулирования. Напротив, само право, как область применения юридических понятий и значений, может быть идентифицировано по мере того, как мышление овладевает специфическими приемами легитимации социальных отношений. При таком взгляде неизменными оказываются не сущность права и даже не свойства правовой нормы, а устройство правового мышления. Закономерно, что факт юриспруденции в значительной мере определяется образованием круга специалистов, посвященных в знание этой науки-ремесла.

Автор проводит разграничение между юридической наукой и юриспруденцией, которая, с его точки зрения, представляет собой более широкое понятие и существует как единство правоприменительной деятельности, науки и правовой культуры (приемов и навыков правового мышления). Современную

юриспруденцию, прежде всего, занимает вопрос о том, каковы правила обращения с юридическими документами и источниками права, обеспечивающие юридическую силу (легитимность) официальных суждений. Юриспруденция интересуется условиями, при которых некое решение по конкретному вопросу в рамках данной системы права должно быть сочтено правильным, поэтому у сторонников классического понимания науки не может не возникнуть сомнений относительно научного статуса юриспруденции, интересующейся не тем, что есть, а тем, что правильно в условиях конкретного политико-правового режима.

Чуть ниже, при обсуждении догматики права, автор говорит о том, что последняя решает вопрос о правомерности или неправомерности какой-либо системы действий, законодательной инициативы или судебного решения в рамках научной концепции, поэтому при наличии формально-юридических критериев он видит основания для отнесения классической юридической догматики к числу точных наук. Одновременно правовая догматика выступает в качестве технологии (ремесла). Когда она формулирует правила, которые в практической работе юриста способствуют коммуникации, выработке и обоснованию официального решения, она является технологией. Когда же она совершенствует собственный категориальный аппарат, она обладает признаками науки.

Так или иначе, начертание границы между правом и неправом остается главной задачей юридической науки и юриспруденции в целом, а также существенным делом граждан, добивающихся от правосудия защиты своих интересов. Без предъявления юридической догматике требования о соответствии стандартам строгой научности, подчеркивает автор, было бы невозможно участвовать в политической борьбе за право и спорить с законодательной властью о логических основаниях системы юридических понятий.

В связи с этим значительный интерес представляют размышления Ю. Е. Пермякова о «едва заметном, но важном сдвиге», наблюдаемом им в современной юридической науке. Этот сдвиг, по его мнению, заключается в том, что вместо исследования права («таким, какое оно есть», как говорят о своей методологии позитивисты) большая группа талантливых ученых, относящих практикуемые ими методы к позитивистской методологии, занята исследованием позиций великих мыслителей права в спорах друг с другом. Признавая полезность таких исследований для понимания того, как устроены правовое мышление и юридическая материя, автор отмечает два побочных эффекта такого интереса. Во-первых, история науки подменила собственно методологию познания права. Во-вторых, критика и приемы интеллектуальной защиты стали подменять собой положительное исследование. Само же постоянно реформируемое право, являя собою итог теоретических споров, всё более вырождается в наукообразное законодательство, замкнутое в себе самом и непонятное обществу.

Особняком Юрий Евгеньевич выделяет проблему мультидисциплинарных исследований. Озираясь по сторонам в надежде, что бы позаимствовать у других, правовед, по его мысли, утверждается в собственной инфантильности. В таком случае, опасается Ю. Е. Пермяков, «юридическое» обречено навсегда оставаться прилагательным, ему никогда не стать существительным, то есть предметом юриспруденции.

Отмечу, что опасения автора понятны и небезосновательны. С одной стороны, нахождение теоретиков и юристов-практиков в параллельных мирах, когда одни увлечены борьбой научных школ и академическими интересами, а другие — хитросплетениями «реальной политики» и повседневными заботами правоприменительной деятельности, свидетельствует о глубоком кризисе права, отказывающегося осмысливать себя. С другой — если речь идет о борьбе за право и о сохранении верности ему (думаю, что это выражение упоминавшегося выше Лона Фуллера уместно в контексте данного обсуждения), то очерчивание четких границ пространства юридического с опорой на строгую научную методологию представляется важнейшей задачей тех, кто вовлечен в работу такого предприятия, как право. Тем не менее углубление в историю правовой мысли необязательно равнозначно уходу от обсуждения практических юридических вопросов, ведь теоретики прошлого по большей части спорили о насущном для них, и многие вопросы, которые они обсуждали, не потеряли значимости до сих пор. Если современные отечественные правоведы используют подобную академическую стратегию в качестве эскапистской, это остается исключительно на совести самих правоведов. История теории права, наряду с методологией

исследования действующего права, составляет важную часть профессиональной квалификации специалиста по праву, и в этом смысле изучение ее совершенно необходимо тому, кто хочет понимать право глубоко.

Вопрос о четких границах юридического более сложен. Он находился в центре дискуссий англо-американских правоведов второй половины XX в.² Право, по всей видимости, не составляет герметичной системы, закрытой для проникновения ценностей, принципов и норм из других сфер жизни общества: морали, религии, политики и даже экономики, — точно так же, как наука о праве не закрыта для проникновения в нее методов других социальных и гуманитарных наук (один из наиболее ярких примеров — заимствование правоведами у философии во второй половине XX в. методов лингвистического анализа, дань которым отдает и сам Ю. Е. Пермяков). Тем не менее вопрос о пределах такого заимствования уместен, и правоведы вместе с практикующими юристами должны внимательно охранять границы юридического, чтобы не допускать проникновения в это пространство соображений и моделей поведения, противоречащих ценностям права и его логике, иначе говоря — разрушающих право в его основании. Для права, пишет Ю. Е. Пермяков, опасна ситуация, когда обесмыслено и осмеяно движение к справедливости.

Автор обоснованно связывает возможность постановки вопроса о юридической силе нормативных и правоприменительных актов с таким качеством права, как системность. Неслучайно в качестве первой задачи юридической науки он называет поддержание целостности, системности права, без чего невозможны ни строгая аргументация в юридическом споре, ни критика правоприменения, а в качестве второй задачи — отслеживание тех опасностей, которые расположены в самом праве: недопустимых правовых конструкций, определений, норм, разрушения логических связей между понятиями и институтами права.

Еще одна важная мысль, связанная с определением границ юридического, — изначальное декларирование правом спора как имманентного состояния правовой жизни (отмечу сходство в этом отношении права с наукой, немислимой без научного спора). Хотя автор выделяет три вида фундаментальных дискурсов, применительно к которым возможно искать, находить и применять юридические значения, — дискурс власти, дискурс равных участников правового общения (договора) и дискурс правового конфликта, — всё же очевидно, что между отношениями власти и правом существует сильное напряжение. Так, рассматривая вопрос о правовой стратегии, с помощью которой достигается успех в деле, Ю. Е. Пермяков отмечает, что властный дискурс не нуждается в понятии правовой стратегии, и даже если курс на реализацию долговременных интересов общества может быть назван стратегическим, излишне именовать его правовым. Точно так же, подчеркивая лишь политическое значение права в жизни государства и его роль в легитимации власти, юридическая наука, полагает автор, еще не становится юриспруденцией, поскольку изучение профессионального опыта юристов для науки, ориентированной на государственные нужды, избыточно. Размышляя о том, как доктринально оспорить тезис о верховенстве политики над правом, автор приходит к заключению, что для этого нужно вывести право из зоны политического мышления. Эта операция для правового сознания травмоопасна: мы привыкли говорить о правовом регулировании и смотреть на право глазами озабоченного политика. Тем не менее роль государства в защите права — сложный теоретический вопрос. Право не может быть абсолютной ценностью государства. Для государства оно — инструмент властвования, тогда как для граждан, как частных лиц, право является средством защиты их социальных притязаний и интересов. Неудивительно, что государство склонно проводить политику, препятствующую солидарности юристов и нацеленную на игнорирование правовых начал в жизни общества, когда исполнителями неправовых мер нередко оказываются рекрутируемые из корпуса юристов высокопоставленные чиновники. Верховенство права по отношению

² См.: *Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали.* Перев. с англ. В. В. Архипова; под ред. И. В. Мироновой, Н. С. Лосева // Правоведение. 2005. № 5. С. 104–136; *Харт Г. Л. А. Понятие права.* Перев. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007; *Фуллер Л. Л. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту.* Перев. с англ. В. В. Архипова; под ред. И. В. Мироновой, Н. С. Лосева; науч. рук. И. Ю. Козлихин // Правоведение. 2005. № 6. С. 124–159; *Фуллер Л. Л. Мораль права.* Перев. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007; *Дворкин Р. О правах всерьез.* Перев. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2004 и др.

к политике зависит во многом и от того, чью сторону занимают юристы: сегодня далеко не все из них «играют» за право. Точно так же и правоведы не вполне свободны в своем творчестве: современные исследования показывают, что характер научного спора определяется не только содержанием гипотез, тезисов и аргументов, но и теми идеями, которых придерживается власть. Тем не менее, полагает автор, опасения относительно диктата в научном мире не устраняют необходимость в понятии «стандарт научности», позволяющем артикулировать нормы и формы научного общения, препятствующие утрате профессионализма.

В продолжение сказанного интересны размышления Ю. Е. Пермякова о правовой норме. Перспективу, в которой действующим субъектом права считается правовая норма, он считает перевернутой. Норма права, по его мнению, представляет собой формализованный момент живого суждения, схваченный в той или иной логической форме, и она может соответствовать своему понятию лишь в том случае, если способна, в свою очередь, породить в сознании суждение о предмете. Автор предлагает «обратную перспективу права», которую он связывает с понятием юридической конструкции. При человекоцентристском подходе к исследованию правовой реальности право выступает не столько средством социального регулирования, сколько разновидностью социальной технологии, позволяющей в реализации индивидуальной свободы опираться на установленные нормы и принятые процедуры. В рамках человекоцентристского типа правопонимания методологически недопустима постановка вопроса о существовании и действии норм права: существует и действует лишь субъект, подчиненный логике собственного бытия в освоенном правовом пространстве. Любой приказ и нормативное предписание, отмечает автор, можно использовать в своих интересах, как это обычно бывает с расписанием движения поездов или графиком работы каких-либо заведений. Правовой текст повествует о сценарии, в котором субъекту права надлежит выбрать роль. Норма права теряет признаки приказа, в аспекте социальной коммуникации ее роль раскрывается иным образом, и это смысловое различие в понимании нормативности фиксируется современной догматикой права в понятии «юридической конструкции».

В отличие от правового института, имеющего объективное нормативное содержание, юридическая конструкция создается, или комбинируется, с помощью юриста самим гражданином, должностным лицом или иным правоприменителем и представляет собой сочетание объективных правовых возможностей, которыми располагает субъект права в движении к цели из какой-то точки правового пространства. Категориальный строй классической догматики права не вполне соответствует задаче понимания проблемной ситуации и получения ясного представления о том, какой выход из нее может стать вполне реальным, в силу каких действий и процедур может состояться итоговое официальное суждение. Догматика права, какой она досталась юристам в наследство от XIX в., более рассчитана на то, чтобы стать комментарием законодательных определений и юридических фактов, с которыми закон связывает наступление юридических последствий, но не анализ правовой ситуации, относительно которой всегда есть возможность альтернативного описания и правовой оценки.

Практикующие юристы, опираясь на одни и те же формальные основания, но преследуя различные цели, ежедневно создают неимоверное количество комбинаций, описание которых могло бы, с точки зрения автора, составить эмпирическое основание юридической догматики. Пока же он с сожалением констатирует, что у науки нет ни языка описания, ни методологической базы для осмысления профессионализма в юриспруденции.

Еще одним инструментом, который мог бы, по мысли Ю. Е. Пермякова, сблизить теорию права и юридическую практику, является правовая доктрина, выступающая метаязыком права, с помощью которого оно проявляет деятельную заботу о своей форме. Правовая доктрина выражает как ценностные предпочтения, так и логические основания правовой нормы или института. Правовая доктрина предназначена не для конкретизации правовой нормы или понятия, она формулирует правило или способ построения правового суждения (например, «сомнение — в пользу подсудимого» или «кто использует свое право, не совершает правонарушений» и т. д.). Правовая доктрина, с одной стороны, не содержит правового предписания, поэтому ее статус как источника права может вызывать сомнение; с другой — Ю. Е. Пермяков отмечает, что в обществе с развитой правовой культурой обязательную силу получают

не только нормы права, но и суждения юристов. Если доктрина признается источником права, можно надеяться, что власть ограничена правом не одним лишь внешним образом, но и по своему внутреннему существу.

Наконец, в разделе, посвященном правовой культуре и политике, автор обращается к вопросу о ценности права. Философы связывают ценностные свойства с субъективной способностью человека особым образом реагировать на них. Всё, что мы ценим, мы ценим из-за новых возможностей и форм бытия, открытых благодаря ценностям. Кризис права, по мнению автора, случается не тогда, когда общество расстается с одними ценностями и провозглашает другие, а когда общество утрачивает себя как целое, рассыпается на множество отдельных единичных волей и миров, не связанных между собой и не нуждающихся друг в друге. Поскольку именно на право возлагается задача сохранения человеческого космоса в состоянии единства, кризис права свидетельствует о кризисе самого общества, кризисе социальности.

Ю. Е. Пермяков рассматривает ряд феноменов, несовместимых с ценностным восприятием права. Один из таких феноменов — провинциальное правопонимание. Пространственное бытие, по его мысли, не является внешней характеристикой предмета, оно связано с его внутренней сущностью. Специфику бытия провинциального человека можно определить через опыт исторической непричастности: он не там, не тогда и не с теми. В подобной ситуации утрачиваются мотивы к какой бы то ни было деятельности, поскольку она не имеет ничего общего с целями. Жизнь в провинции являет нам прощание с субъектом — угасание сознания, отказ от собственной субъектности. Провинциальное сознание не знает ценности права и воспринимает его лишь как внешнее принуждение, оно склонно ценить власть именно за то, что та спасает от юридической силы закона — провинциал цепляется за льготы и привилегии. Провинциальная культура с легкостью трансформирует политические и правовые институты. Не ценит провинциал и чужое — в чужом бытии у него нет ничего своего, поэтому приобретение неотлично от кражи. Мир, открывающийся провинциалу, не имеет в себе собственного источника долженствования. Провинциальное правопонимание, не способное раскрыться всеобщему, никогда не согласится с тем, что представление о юридической силе правовых норм и суждений имеет онтологическую, а не релятивистскую, исключительно игровую природу. Угнетаемый своим местоположением и статусом, провинциал отрицает тождество с самим собой, поэтому он не способен к ответственности и легитимности. Провинциал, не склонный возлагать надежды на развитие каких-либо форм, поскольку идея развития предполагает в субъекте собственные онтологические основания, по своей природе предрасположен к насилию, в том числе символическому. Вероятно, автор примеряет эту модель провинциального правосознания к России, культуру которой отличает формоборчество. Нет в российской культуре и опыта согласования разноуровневых ценностей. Абсолютное не содержится в конкретном, оно существует само по себе в недостижимой дали, поэтому в российском правосознании у правовых поступков нет нравственного или морального измерения.

Еще один подрывающий ценность права феномен, который рассматривает Ю. Е. Пермяков, — политические манипуляции правовым сознанием. Манипулятивные приемы, как их характеризует автор, представляют собой технологию перехода в процессе коммуникации к шкале иных значений ценой утраты или умаления субъектности контрагента. Научный интерес к манипуляции открывает, по его мнению, теории права перспективу развития собственной методологии при обсуждении вопросов имитации права и той кризисной в науке ситуации, лукаво именуемой «правовым релятивизмом», когда без понимания сущности правосудия и «юридического» в качестве права может быть принята любая похожая на него историческая форма социального контроля и насилия. Верный своей мысли о том, что делом юриспруденции является проведение границы между правом и неправом, Ю. Е. Пермяков утверждает, что право не может быть всяким. Оно не может являться правом для одних и неправом для других, оно претендует на то, чтобы придавать своим требованиям всеобщий характер.

Будучи заинтересованной в достижении желаемой реакции адресата, власть часто прибегает к манипуляции. Когда вместо субъекта нам предлагают иметь дело с объектом манипуляции, с ущербным субъектом, не способным к самостоятельному выбору, право теряет свои онтологические основания:

нет субъекта — нет всего того, что именуется собственным — ни поступка, ни ответственности, ни потребности в применимости средств юридической защиты.

С горечью размышляет автор и о сегодняшней ситуации в юридическом образовании, где профанация оказывается не просчетом, а стержнем внутренней вузовской политики. Системно-функциональное мышление, при котором управленческие решения игнорируют индивидуальные смыслы их адресатов, принимая последних лишь в качестве элементов конструируемой системы, он рассматривает как политически и исторически несостоятельное, а подобный стиль управления называет глубоко провинциальным.

Разработка концепции правового воспитания, с точки зрения Ю. Е. Пермякова, могла бы опираться на классическую литературу и историю. Образам права в художественной литературе в пособии посвящены несколько увлекательных страниц. В основе интереса к литературе со стороны теоретиков государства и права лежит, по мнению автора, пока еще смутное подозрение общей судьбы того и другого: когда перестанут читать книги, перестанут чтить закон. Историческое назначение искусства и социальная роль права, по мнению Ю. Е. Пермякова, совпадают, поскольку благодаря тому и другому человек обретает свою субъектность, вменяемость, ответственность и доступ к свободе. Историческая перспектива при изучении права так же важна — не только в теоретическом смысле, но и в практическом: современный язык права содержит понятия, которые имеют свое происхождение в границах определенной традиции и конкретный исторический смысл. К сожалению, возможности для учета мнения заинтересованных преподавателей при составлении учебных программ сегодня минимальны: с утратой доверия к правовым процедурам и институтам, из которых складывается административная практика вуза, солидарность радеющих за его соответствие своему назначению, признает автор, возможна лишь за пределами университетской жизни. В итоге наука, равно как и творческое общение преподавателей со студентами, становится личным делом каждого из них.

Заключение

В формате рецензии невозможно охватить всё разнообразие вопросов, обсуждаемых на страницах учебного пособия Ю. Е. Пермякова. Размышления автора о непостижимости зла, проблемах легитимации власти, метафизике коллективной вины и ответственности, правах человека, юридической аргументации, моделях профессионального юридического образования и других насущных вопросах правовой жизни нуждаются во вдумчивом чтении и обсуждении. Несмотря на то, что философия права переживает не лучшие времена, последние благоприятны для неспешного чтения и обдумывания таких больших и сложных текстов, как текст Ю. Е. Пермякова.

Несмотря на довольно безрадостный образ современной отечественной юриспруденции, который не мог не найти отражения в книге, она всё же оставляет для права надежду, связанную, прежде всего, с перспективой возвращения субъекта, способного пользоваться правом и ценить его, а следовательно, способного к преодолению собственной замкнутости, к сосуществованию с другими людьми и миром в целом. Тот, кто заинтересован в такой перспективе, найдет для себя в предлагаемом учебном пособии, значимость которого, вне всякого сомнения, выходит за рамки избранного автором скромного формата, множество нетривиальных соображений, проясняющих не всегда очевидные, но важные смыслы, которыми обладает право для человека.

Список источников

1. *Дворкин Р. О правах всерьез* / Р. Дворкин; Рональд Дворкин. Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. EDN: QVXKZT
2. *Фуллер Л. Л. Мораль права*. Пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.
3. *Фуллер Л. Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту* // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6 (263). С. 124–159. EDN: JZAUDR

4. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5 (262). С. 102–136. EDN: JZATSN
5. Харт Г. Л. А. Понятие права. Пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Об авторе:

Баженова Елена Альбертовна, кандидат юридических наук, независимый исследователь (г. Хадера, Израиль);

e-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

References

1. Dworkin, R. (1978) Taking Rights Seriously. *Harvard University Press*.
2. Fuller, L. L. (1969) The Morality of Law: Revised Edition. *Yale University Press*.
3. Fuller, L. L. (1958) Positivism and Fidelity to Law: A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*. Pp. 630–672.
4. Hart, H. L. A. (1958) Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*. 37 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/1338225>
5. Hart, H. L. A. (1963) The Concept of Law. *The Philosophical Review*. Pp. 250–253.

About the author:

Elena A. Bazhenova, PhD in Jurisprudence, Independent Scholar (Hadera, Israel);

e-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com